

Максим Орлов

Бесстрашный

Максим Орлов

Бесстрашный

«Автор»

2026

Орлов М. В.

Бесстрашный / М. В. Орлов — «Автор», 2026

«Бесстрашный» — историко-мистический роман о современном эсминце Северного флота, который во время обычного похода сталкивается с необъяснимыми явлениями в Баренцевом море. Сначала это — странные сигналы, сбои приборов, чужой стук в мёртвых трубах и голос из глубины. Затем экипаж видит невозможное: в тумане появляется второй корабль — точная копия самого «Ушакова», с тем же бортовым номером и теми же позывными. Командиру Андрею Ковалёву и его офицерам предстоит пройти путь от рационального объяснения к страшной правде: море хранит не только память, но и незавершённые судьбы. За аномалией скрыта давняя трагедия, связанная с исчезнувшим кораблём, забытым экипажем и клятвой, которую никто не имел права нарушить. Это роман о флотской службе, долге, памяти и цене выбора. О людях, которые остаются на посту даже тогда, когда время уже не работает по законам живых.

© Орлов М. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Бесстрашный

Пролог

Море не возвращает мёртвых. Так говорят те, кто не слышал, как они стучат из глубины.

Бездна молчит до тех пор, пока долг не станет мстью, а память — приказом.

Слушайте ветер. Он несёт не только шторм. Иногда в нём слышна клятва, данная там, где не осталось света.

Баренцево море умело молчать.

Не тихо — нет. Тишина на севере редко бывает настоящей. Даже в штиль там что-нибудь скрипит, шуршит, трётся, ломается во льду, уходит под воду или возвращается из неё с глухим вздохом. Молчание Баренцева моря было другим: тяжёлым, внимательным, древним. Оно не отвечало сразу. Оно запоминало.

В ту ночь ветер шёл с северо-востока, резал низкую волну и гнал над водой клочья тумана. Где-то далеко, за пределами видимости, лежали камни, банки, старые фарватеры, закрытые районы и те места на картах, которые обозначали слишком аккуратно, чтобы им верить.

В эфире трещали помехи.

Сначала — обычные. Холодные, сухие, безликие. Такие слышали тысячи раз на кораблях, траулерах, береговых постах и в радиорубках, где люди ночью пьют крепкий чай и делают вид, что не устали.

Потом в треске появился ритм.

Три коротких.

Пауза.

Два коротких.

Снова пауза.

Голос пришёл не сразу. Он словно пробирался через воду, железо, годы и чью-то сдержанную боль.

— ...приказ... выполняем...

Помехи захлебнули фразу.

Потом снова:

— ...люди за бортом...

Ещё треск.

— ...имеем права менять курс...

Ветер ударил в невидимую антенну. Волна поднялась, разбилась, ушла чёрной складкой в темноту.

Голос стал тише:

— ...кто слышит... запишите...

Ответа не было.

Только море, ветер и где-то под ними — тяжёлое, размеренное постукивание, будто кто-то бил по железу изнутри.

Три коротких.

Пауза.

Два коротких.

Затем в эфире проступили последние слова:

— ... «Бесстрашный» ... не выходите...

И всё исчезло.

Береговые станции ничего не приняли.
Спутники не отметили ничего необычного.
На экранах не осталось следа цели.
Вв закрытом районе старого полигона на несколько секунд всплыла радиометка с позывным, снятым с употребления много лет назад.
А глубоко под холодной водой что-то дрогнуло.
Не проснулось....Вспомнило.

Глава 1

Отдать швартовы

На Северном флоте утро начинается не с рассвета.

Рассвет тут вообще вещь условная, особенно в ноябре, когда небо над Кольским заливом похоже на мокрую шинель, брошенную на мачты, трубы и береговые краны. Утро начинается с шагов по трапам, глухого лязга люков, запаха солярки, мокрого железа и камбузной каши, которую личный состав уважал только за одно качество: она была горячая.

У пирса стоял большой серый корабль.

Официально — эскадренный миноносец **«Адмирал Ушаков»**.

По документам — корабль первого ранга Северного флота.

По словам штаба — боевая единица, способная решать задачи в дальней морской зоне.

По словам БЧ-5 — котлотурбинный ветеран с давлением, характером и дурной привычкой требовать уважения именно тогда, когда его меньше всего оставалось у людей.

А по словам экипажа — просто **«Бес»**.

Потому что раньше он назывался **«Бесстрашный»**. И хотя на борту давно красовалось другое имя, старое никуда не делось. Оно осталось в машинных журналах прежних лет, в привычке мичманов, в обрывках разговоров и в той особой настороженности, с какой некоторые моряки касались корабельного железа перед выходом в море.

У пирса дул ветер. Не сильный — так, северный намёк. Достаточный, чтобы у лейтенанта Александра Ермакова покраснели уши и возникло первое за утро сомнение: зачем он, младший штурман БЧ-1, человек с высшим военно-морским образованием и ещё не окончательно испорченной верой в романтику, добровольно выбрал профессию, где железо холодное, вода мокрая, начальство бодрое, а чай заканчивается всегда на предыдущей вахте.

Ермаков служил на корабле второй месяц. За это время он усвоил три вещи.

Первая: если старпом сказал «зайди на минуту», значит, минуту ты уже потерял, а дальше начнётся служба.

Вторая: на корабле нет чужих дел. Есть дела, которые ещё не успели поручить тебе.

Третья: штурман отвечает за место корабля даже тогда, когда корабль ещё у пирса и никуда, казалось бы, не делся.

Сегодня старпом поставил его помогать при приёме имущества.

— Для воспитания глазомера, — сказал капитан 2-го ранга Селиванов. Потом добавил: — И смирения.

Теперь Ермаков стоял у правого борта с планшетом, придерживал ведомость и пытался одновременно не мешать грузовой команде, не потерять бумаги и выглядеть так, будто всё происходящее давно включено в его личный план.

Не получалось.

С берега на корабль шёл поток ящиков, мешков, бухт концов, коробов с ЗИПом, упаковок с консервами, овощных сеток, серых контейнеров и одного деревянного ящика, на котором фломастером было написано: **«Камбуз. Не кантовать. Очень надо»**.

— Лейтенант, — раздалось сверху.

Ермаков вскинул голову.

На палубе стоял старший мичман Парамонов, главный боцман корабля. Человек широкий, как кнехт, и такой же надёжный. Седые усы, обветренное лицо, взгляд — как луч прожектора на досмотре. Он не повышал голос без необходимости: корабль и так его слышал.

— Я, товарищ старший мичман.

— Ты не «я». Ты офицер, временно приставленный к швартовному имуществу. Где ведомость?

— У меня.

— Тогда почему вид у тебя такой, будто она уже за бортом?

Ермаков посмотрел на планшет. Ведомость была на месте.

— Пока нет.

Парамонов удовлетворённо хмыкнул.

— «Пока» — это уже флотский ответ. Запомни: на корабле всё, что не привязано, считается потерянным. А что привязано — потерянным вместе с концом.

Матрос рядом тихо приснул.

Парамонов не повернулся.

— Весело?

— Никак нет.

— Правильно. Веселье у нас после отбоя. Если к тому времени не будет приборки, тревоги или начальства. То есть по большим праздникам и в чужих воспоминаниях.

Внизу у пирса старший помощник командира капитан 2-го ранга Виктор Михайлович Селиванов двигался среди людей, как ледокол среди шуги. Он не бегал, не суеился и не кричал. Но каждый, на кого падал его взгляд, немедленно вспоминал форму одежды, недоделанный пункт плана и то, что совесть на флоте тоже подлежит проверке.

Селиванов был старпомом редкого типа: он помнил фамилии матросов, слабые места офицеров, сроки проверок, расположение каждого неисправного замка и почти наверняка — кто три недели назад унёс из кают-компании чужую кружку. Ермаков подозревал, что старпом знал даже мысли экипажа, но пользовался этим только в воспитательных целях.

— Боцман, — позвал Селиванов.

— Я, товарищ капитан второго ранга.

— Приём швартовного имущества закончить до девяти тридцати. Потом обход верхней палубы. Всё, что может сорвать волной, закрепить. Всё, что уже закреплено, проверить ещё раз.

— Есть.

— И уберите мешок картошки с полубака. Он портит кораблю строевой вид.

Парамонов обернулся к матросам:

— Кто поставил картошку на полубак?

Молчание было настолько полным, что даже ветер будто прислушался.

— Понятно. Картошка прибыла самовольно. Ермаков, записывай: на корабле всё имеет фамилию. Даже овощи.

Ермаков сделал вид, что записывает, и вдруг вспомнил, как в училище преподаватель навигации говорил: «Флот начинается с карты». Теперь лейтенант был готов поспорить. Флот начинался с мешка картошки, который кто-то поставил не туда.

Из ближайшего люка показался старший мичман с лицом человека, два часа прошедшего в недрах корабля и не встретившего там ничего хорошего.

— Товарищ старпом, Хомич просил передать: если штаб ещё раз перенесёт время выхода, БЧ-5 напишет жалобу в котёл номер два.

Селиванов посмотрел на него спокойно.

— Котёл грамотный?

— Никак нет.

— Тогда пусть Хомич пишет сам. И сначала доложит готовность электромеханической боевой части.

— Есть.

Голова исчезла.

Старпом поднялся на борт и оглядел корабль. На рейде в сером свете маячили другие силуэты, береговые сооружения, краны, буксиры. Кольский залив дымился холодом. Вода у борта хлопала лениво, но зло, словно напоминала: у пирса все умные, а за створом проверим.

На верхней палубе работали без лишних слов. Северный флот не любил красивых жестов. Здесь ценили, чтобы было закрыто, задраено, смазано, доложено и записано.

Особенно записано.

Если что-то не записано — этого не было. Если было, но не записано, виноват найдётся быстрее, чем чайник закипит в кают-компании.

Внизу, у энергетиков, жизнь имела другой вкус.

Там не было романтики моря. Там были пар, масло, металл, гул вентиляции, горячая изоляция и ощущение, что корабль — огромный организм с капризным сердцем.

Пар начали поднимать ещё ночью. Поэтому к утру БЧ-5 напоминала монастырь, где вместо молитв читали показания манометров, а вместо свечей горели контрольные лампы.

Командир БЧ-5 капитан 3-го ранга Геннадий Хомич стоял у щита и смотрел на приборы с выражением врача, которому пациент говорит «я почти здоров», а врач уже видел анализы.

Хомич был невысок, крепок, с руками механика и лицом человека, который не верит ни в чудеса, ни в доклады «готово», пока сам не потрогает, не послушает и не обругает. Когда-то, ещё лейтенантом, он впервые вошёл в машинное отделение этого корабля и подумал: «Вот она, настоящая служба». Через час добавил: «И настоящая каторга». С тех пор мнения не изменил.

— Давление? — спросил он.

Старшина машинной команды назвал цифры.

Хомич кивнул.

— Жить можно. Резервный насос?

— Проверен включением под нагрузкой. Запись в журнале.

— Вот теперь говоришь как человек, а не как пресс-служба.

За переборкой глухо стукнуло.

Хомич медленно повернул голову.

— Это что было?

Старшина прислушался.

— Похоже, инструмент уронили.

— У нас на корабле всё просто, — сказал Хомич. — Если стучит — инструмент. Если дымит — вентиляция. Если не работает — особенность проекта.

Он снял трубку внутренней связи.

— Пост, это БЧ-5. У вас там кто барабанит?

Ответ пришёл с задержкой:

— Никак нет. У нас тихо.

Стук повторился. Три коротких. Пауза. Два коротких.

Старшина перестал улыбаться.

— Вчера на ночной тоже слышали, — признался он. — Списали на трубопровод.

— На флоте списывают имущество. А стук ищут.

Хомич доложил дежурному по кораблю о постороннем звуке и приказал проверить соседние отсеки. Потом положил трубку и посмотрел на старшину:

— Если это гуляет ваш ключ, я поставлю в наряд и ключ, и владельца.

Стук прозвучал ещё раз.

Те же три коротких. Пауза. Два коротких.

Старшина, когда-то служивший на связи до перевода в машинную команду, тихо сказал:

— Если сильно захотеть, можно и Морзе услышать.

— Вот только хотеть не надо, — отрезал Хомич.

Дальше ничего не было. Только гул вентиляции и глубокое дыхание корабля.

Хомич не любил необъяснимое. Не потому, что боялся. Просто необъяснимое нельзя было поставить в график ремонта, нельзя было списать по акту, нельзя было заставить работать через резервную линию. А значит, оно раздражало.

— Никому не пересказывать, — сказал он.

— Есть.

— Особенно связистам. Эти из двух щелчков сделают радиограмму, из радиограммы — тайну флота, а из тайны флота — проблемы БЧ-5.

В штурманской рубке пахло бумагой, пластиком, кофе и нервами.

Капитан-лейтенант Илья Рубцов, командир БЧ-1, склонился над картой района предстоящего плавания.

Рядом лежали циркуль-измеритель, параллельная линейка, карандаши, распечатки гидрометеоусловий, таблицы приливов, выписки из извещений мореплавателям и планшет с электронной прокладкой.

Рубцов относился к морю без восторга. Восторг, по его мнению, был уделом туристов, поэтов и людей, никогда не отвечавших за безопасное плавание корабля.

Для штурмана море состояло из глубин, створов, опасностей, запретных районов, течений, поправок, пеленгов, счисления, фактического места и вечного вопроса командира: «Штурман, где мы?»

Рубцов ненавидел не сам вопрос, а интонацию. Командир всегда спрашивал так, будто подозревал: штурман уже продал корабль норвежцам, просто стесняется доложить.

Ермаков заглянул в рубку.

— Илья Андреевич, старпом просил уточнить готовность по БЧ-1.

— Старпом просил или прислал тебя посмотреть на страдания штурмана в естественной среде?

— Думаю, совместил.

Рубцов поднял глаза и впервые за утро почти улыбнулся.

— Учишься. Карты корректированы?

— Так точно.

— Гирокомпас, лаг, эхолот, резервные средства?

— Проверяются по плану. По готовности доложу.

— Уже лучше. Не «по докладам готовы», а «проверяются». На флоте надежда — это не техническое состояние.

Ермаков кивнул.

Рубцов поставил карандашом аккуратную отметку.

— Район старый, погода будет мерзкая, видимость по прогнозу гуляет. Если увидишь на карте пустое место — не верь. В море пустых мест не бывает. Бывают места, где ещё никто не успел утонуть официально.

— А полигон действительно закрытый? — спросил Ермаков.

Рубцов посмотрел внимательнее.

— Где слышал?

— В ведомости обеспечения была отметка. И связисты ходят с такими лицами, будто им выдали не частоты, а приговор.

— Связисты всегда так ходят. Они даже молчат с секретностью.

Он убрал линейку, постучал карандашом по карте.

— Твоя задача сегодня простая: не путаться под ногами, смотреть, запоминать и не строить догадок вслух. В море догадки имеют свойство становиться слухами, а слухи — докладами наверх.

Ермаков вспомнил отца, бывшего капитана рыболовного траулера, который перед училищем сказал ему: «На военном флоте главное — не геройствовать раньше приказа». Тогда фраза показалась смешной. Теперь — полезной.

— Понял.

— Вот и хорошо. Иди. До выхода меньше трёх часов.

Уже у двери Ермаков задержался. На переборке под слоем серой краски проступал край старой металлической пластины. Буквы разобрать было нельзя — только царапины, следы прежнего крепления и тень от снятой таблички.

— Это от старого названия? — спросил он.

Рубцов взглянул мельком.

— Возможно.

— Почему не зачистили?

— Потому что корабли переименовывают приказом, а память — нет.

Сказал он это без пафоса, почти сердито, будто сам удивился собственной фразе.

Ермаков вышел, а Рубцов ещё несколько секунд смотрел на карту. На ней район предстоящего плавания был обозначен аккуратно, сухо и совершенно невинно. Опаснее всего, по опыту Рубцова, выглядели именно такие места.

В радиорубке было тепло, сухо и подозрительно тихо.

Командир БЧ-4 капитан-лейтенант Марина Орлова не любила такую тишину. Нормальная корабельная связь жила рабочим фоном: контрольными вызовами, короткими докладами, шелестом аппаратуры, фразами по внутренней связи. Если всё замирало, Орлова начинала ждать неприятностей.

Она была из тех офицеров, кто говорил мало и точно. В училище её за это дразнили «шифровальной машиной». Потом перестали: выяснилось, что «машина» запоминает, кто и когда сказал лишнее.

На столе лежала тонкая папка с закрытыми вводными, полученная утром под подпись. Такие папки не любили толстеть: чем меньше листов, тем больше вопросов.

Орлова перечитала отдельный пункт:

«Приём неидентифицированных радиосигналов в районе выполнения задачи. Немедленная фиксация.

Самостоятельные переговоры запрещены. Доклад командиру корабля».

Формулировка была канцелярская, аккуратная и оттого неприятная. Так можно назвать помеху. Или иностранный источник. Или старый аварийный буй. Или проблему, после которой в штабе начинают говорить тише.

Матрос-радиотелеграфист Воронин настраивал аппаратуру и старательно не смотрел на папку.

— Воронин.

— Я.

— Любопытство — хорошее качество. Но в радиорубке оно должно быть направлено на сигнал, а не на чужие документы.

— Есть направить любопытство на сигнал.

— И лицо убери. На нём написано: «Хочу знать государственную тайну, но боюсь наряда».

Воронин отвернулся к аппаратуре.

В динамике внезапно прошёл сухой треск.

— Источник? — спросила Орлова.

— Неустойчивый всплеск. Длительность... меньше двух секунд. Сейчас проверю.

Шум исчез.

— Запись шла?

— Так точно.

— В журнал время. Файл сохранить отдельно.

Воронин запустил воспроизведение.

Сначала были только помехи. Потом сквозь треск, едва различимо, будто из-под воды, прозвучало:

— ...страшный...

Орлова не изменилась в лице. Только пальцы на секунду замерли над журналом.

Воронин посмотрел на неё.

— Товарищ капитан-лейтенант, это могло быть...

— Что угодно, — сказала она. — Окончание слова. Обрывок фразы. Помеха с речеподобным фрагментом.

— Так точно.

— Запись — в закрытый журнал. Расшифровку делаешь только при мне. Вне радиорубки этого сигнала не было.

— Есть. Вне радиорубки не было.

Орлова закрыла папку и подумала, что не любит совпадений. Особенно тех, которые заранее прописаны в закрытых вводных.

Командир корабля капитан 1-го ранга Андрей Сергеевич Ковалёв прибыл на борт со штаба.

Последний час он провёл в кабинете, где на стене висела карта района, а люди говорили сухими фразами, из которых следовало: задача плановая, но вопросы лучше задавать после возвращения. Ковалёв не любил такие формулировки. Они оставляли командиру полную ответственность и ровно столько информации, чтобы понимать: обычным выходом это может не ограничиться.

Он поднялся по трапу, принял доклад дежурного по кораблю и ступил на палубу без театральности. Не было ни громкого появления, ни показной суровости. Корабль был его местом службы, а не сценой.

Ковалёва уважали. Боялись — тоже, но не крика. Он почти никогда не повышал голос. Хуже: он умел молчать так, что человек сам находил свою ошибку, сам писал объяснительную и сам просился исправить положение.

Старпом встретил его у надстройки.

— Товарищ капитан первого ранга, подготовка по плану. Приём запасов завершается, замечания устраняются.

— БЧ-5?

— Хомич ругается в пределах допуска.

— Значит, энергетика жива.

— Так точно.

— БЧ-1?

— Прокладка готовится. Рубцов нервничает.

— Хороший признак.

— По БЧ-4 был кратковременный неустановленный сигнал при проверке связи. Орлова готовит доклад.

Ковалёв остановился.

— Содержание?

— Пока не докладывала. Сказала: фрагмент речевого сообщения.

— Пусть подойдёт.

Через минуту Орлова появилась с носителем записи и журналом.

— Товарищ капитан первого ранга, при проверке аппаратуры связи зафиксирован кратковременный радиосигнал неустановленного происхождения. Длительность менее двух секунд. Источник не определён. Запись сохранена.

— Содержание фрагмента?

— Различно окончание слова. Предположительно: «...страшный». Достоверность низкая.

Старпом чуть приподнял бровь, но промолчал.

Ковалёв взял паузу.

Старое имя корабля было известно всем. Но между «известно всем» и «прозвучало в эфире при закрытой вводной» лежала дистанция, на которой командир не имел права ни шутить, ни удивляться.

— Самостоятельных ответов не давать, — сказал он. — Все нештатные сигналы фиксировать с указанием времени, частоты и условий приёма. Копию записи — мне. Доклад оперативному дежурному подготовить после повторного анализа.

— Есть.

— Матросу, принимавшему сигнал, напомнить о режиме.

— Уже напомнила.

Ковалёв посмотрел на неё внимательнее.

— Хорошо.

Орлова ушла.

Селиванов проводил её взглядом.

— Старое имя решило отметиться перед выходом?

— На флоте чудес не бывает, Виктор Михайлович.

— Бывает техника, погода и человеческий фактор.

— И плохая проверка, если слишком рано поверить в первые три.

Старпом кивнул.

— Искать будем по порядку.

Они прошли по палубе. Навстречу попался матрос с бухтой тонкого конца на плече. Увидев командира, он вытянулся так резко, что бухта чуть не сползла.

— Осторожнее, матрос, — сказал Ковалёв. — Конец держат так, чтобы он не имел собственного мнения.

— Есть держать конец без собственного мнения!

Когда матрос ушёл, Селиванов негромко сказал:

— Формулировка годится для занятий по морской практике.

— Запишите. Пригодится для тех, кто считает, что концы сами укладываются.

У люка командир остановился и посмотрел на серый борт, мокрые леера, дымящиеся береговые трубы, людей на палубе.

Корабль был старый. Не музейный, не беспомощный, не списанный в душе. Старый по-флотски: прошедший ремонты, шторма, проверки, переименования, авралы и чужие проклятия в машинном отделении.

Ковалёв любил такие корабли осторожной командирской любовью, без нежностей. Железо не прощало фамильярности. С ним служили. Иногда спорили. Иногда уговаривали. Иногда благодарили — тихо, чтобы никто не слышал.

— Настроение экипажа? — спросил он.

— Рабочее, — ответил старпом. — С лёгким северным недовольством.

— Нормальное состояние.

— Лучшего перед выходом не бывает.

К девяти тридцати корабль приобрёл вид, который бывает только перед морем: суety становилось меньше, ответственности — больше.

На верхней палубе проверяли крепление имущества. В кубриках досчитывали личные вещи. На камбузе кок доказывал помощнику, что макароны — это не гарнир, а стратегический резерв настроения экипажа.

В кают-компании офицеры успели выпить по кружке крепкого чая.

Хомич вошёл последним, снял шапку и сел так, будто лично поднял пар во всём Северном флоте.

— Ну что, Геннадий Петрович, энергетика готова к подвигу? — спросил Рубцов.

— Энергетика готова к работе. Подвиги начинаются, когда кто-то наверху решил сэкономить время.

Орлова поставила кружку.

— У вас по питанию сегодня ничего не гуляло? Кратковременные всплески, наводки?

Хомич посмотрел на неё с профессиональной подозрительностью.

— Если наш всплеск — найдём. Если не наш — всё равно сначала обвинят БЧ-5.

— Мне нужно понять, могло ли пройти по корабельной сети.

— Могло всё, — сказал Хомич. — Корабль старый, но воспитанный. Просто иногда выражается железом.

Рубцов усмехнулся:

— У вас в БЧ-5 любая мистика становится заявкой на ремонт?

— У нас не мистика. У нас котлотурбинная установка. Это страшнее.

В кают-компанию вошёл Селиванов. Разговор сразу стал короче.

— Через сорок минут построение, — сказал старпом. — Форма по погоде, лица по уставу. Если у кого-то что-то стучит, пищит или моргает не по расписанию — сначала доклад, потом личные переживания.

Офицеры поднялись.

Ермаков, стоявший у входа с очередной бумажкой для Рубцова, поймал взгляд Орловой. Она смотрела спокойно, но не рассеянно. Так смотрят люди, у которых внутри уже работает отдельный счётчик тревоги.

Лейтенант подумал, что связь — странная служба. Штурман видит карту. Механик слышит машину. Боцман чувствует палубу. А связист сидит в тишине и ждёт, когда невидимое заговорит.

Построение прошло на ветру.

Экипаж стоял на палубе, подтянутый, серый в своей форме, с лицами людей, которые понимали: впереди не прогулка. Северное море не обещало ни мягкости, ни красоты в открытках. Оно обещало работу.

Ковалёв стоял перед строем. За его спиной возвышались надстройки, антенны, мачты, пусковые установки, артиллерия, трубы — всё сложное, тяжёлое, боевое, что делало корабль кораблём.

— Товарищи матросы, старшины, мичманы и офицеры, — сказал командир. — Корабль выходит в море для выполнения задач боевой подготовки и обеспечения безопасности плавания в назначенном районе. Условия ожидаются сложные. Требую строгого соблюдения расписаний, мер безопасности, уставного порядка и морской практики.

Он говорил спокойно. На флоте спокойный командир перед выходом ценился выше громкого.

— Вахта — внимательно. Механизмы — контролировать. Верхняя палуба — без самостоятельности. Все доклады — своевременно и точно. В море мелочей нет. Мелочь у пирса за створом становится аварией.

О закрытом приложении к походному распоряжению он не сказал. Не потому, что забыл. Потому что лишние слова на корабле иногда опаснее лишнего груза.

Ковалёв повернулся к старпому:

— Корабль к бою и походу приготовить.

Селиванов принял команду и передал её дальше.

Через трансляцию, посты, отсеки, рубки и машинные отделения пошло:

— **Корабль к бою и походу приготовить!**

Серый корпус будто проснулся окончательно.

Захлопали крышки. Задраивались двери и люки. По трапам застучали ботинки. В БИП включались рабочие места. В штурманской Рубцов проверял прокладку. В радиорубке Орлова слушала эфир уже иначе. Внизу Хомич стоял у своего хозяйства, и лицо его говорило: «Только попробуйте подвести».

На мостик пошли доклады:

— БЧ-1 к бою и походу готова!

— БЧ-4 к бою и походу готова!

— БЧ-5 к бою и походу готова!

— Носовая швартовная партия готова!

— Кормовая швартовная партия готова!

Парамонов на баке проверил концы, глянул на Ермакова.

— Ну что, лейтенант. Сейчас начнётся настоящая география.

— Это какая?

— Где всё мокрое и за каждую ошибку спрашивают.

К борту подошёл буксир. На баке приготовили буксирный конец. Двигатель буксира заворчал глухо, с рабочей злостью. На пирсе замахали сигнальщики. Ветер потянул дым вдоль залива. Где-то над водой прокричала чайка — хрипло и недовольно, будто тоже имела замечания к плану выхода.

Ермаков невольно коснулся рукой холодной переборки.

Под краской проступали старые буквы. Не все — только часть, но достаточно, чтобы понять:

...СТРАШНЫЙ

Сзади раздался голос Парамонова:

— Не трогай.

Ермаков убрал руку.

— Суеверие?

Боцман посмотрел на воду.

— Морская практика. Старые имена на кораблях зря не будят.

На мостике прозвучала команда:

— Приготовиться к отдаче швартовов!

Буксир взял натяжение на буксирном конце.

— Носовая швартовная партия готова!

— Кормовая швартовная партия готова!

Ковалёв стоял на мостике. Рядом Селиванов контролировал палубу, Рубцов держал в голове створы и безопасный выход, вахтенный офицер принимал доклады. Всё было штатно. Всё было правильно. Так должен был начинаться выход боевого корабля в море.

И именно в этот момент в радиорубке снова ожил динамик.

Короткий треск.

Потом голос — слабый, далёкий, утопающий в помехах, но отчётливее, чем утром:

— ...«Бесстрашный»... не выходите...

Воронин побледнел.

Орлова уже включала запись.

— Повторить приём, — сказала она. — Проверить частоту. Время в журнал.

Эфир молчал.

Она нажала внутреннюю связь:

— Мостик, радиорубка. Командиру корабля: зафиксирован повторный неидентифицированный сигнал. Прошу разрешения доложить лично.

Доклад передали Ковалёву.

Старпом посмотрел на командира. На баке матросы ждали команды. Буксир держал натяжение. Ветер усилился, и в этот короткий промежуток весь корабль будто завис между берегом и морем.

— Содержание? — спросил Ковалёв.

Орлова ответила по связи:

— Фрагмент речевого сообщения. Слова: «Бесстрашный» и «не выходите». Источник не определён. Повтора нет. Признаков устойчивого канала нет.

Ковалёв молчал ровно столько, сколько требовалось, чтобы отделить тревогу от решения.

Оснований отменять выход не было. Был сигнал. Был обрывок. Было старое имя, которому не следовало звучать в эфире. Но корабль не останавливают из-за слова в помехах. Корабль останавливают из-за приказа, неисправности или явной угрозы безопасности. Пока не было ни первого, ни второго, ни третьего.

— Запись сохранить, — сказал он. — Доклад оперативному дежурному подготовить немедленно. Радиовахте продолжить контроль. Швартовную операцию выполнять по плану.

— Есть, — ответила Орлова.

Ковалёв взял микрофон внутренней связи:

— Командир говорит. Всем постам действовать согласно расписанию. Доклады по форме.

Потом повернулся к старпому:

— Вот теперь посмотрим, что это было. По-флотски.

Селиванов кивнул.

— Есть по-флотски.

Команда ушла на палубу:

— Отдать носовые!

С пирса сбросили носовые швартовы. На баке быстро выбрали мокрые концы на борт.

— Носовые отданы!

Корабль едва заметно дрогнул, принимая работу буксира.

— Отдать кормовые!

Кормовые швартовы ушли с тумб и тяжело легли на палубу.

— Кормовые отданы!

Эсминец медленно отделился от берега, удерживаемый буксиром и собственным ходом. Серый борт пополз мимо причальных тумб, кранов, людей на пирсе, складов, мокрых бетонных плит — всего того, что оставалось позади, когда корабль выходил в море.

Ветер стал резче.

Вода темнее.

Кольский залив раскрылся впереди холодной стальной дорогой.

На борту корабля, официально именуемого «Адмирал Ушаков», механизмы работали, связь писала эфир, штурман вёл прокладку, старпом считал людей глазами, командир держал корабль в руках.

А под краской, под новым именем, под слоями лет, ремонтов, приказов и рапортов старое имя будто шевельнулось в металле.

«Бесстрашный» выходил в море.

Глава 2

Кольский створ

Через сорок минут после отхода от пирса берег уже перестал казаться опорой.

Он ещё был рядом — серые причалы, краны, дымящие трубы, пятна снега на сопках, створные огни, — но всё это уходило за корму, становилось фоном, линией, тенью. Корабль шёл по Кольскому заливу, и вода под форштевнем менялась: портовая грязно-свинцовая рябь становилась тяжелее, темнее, глубже.

У пирса ветер толкал в спину. Здесь, ближе к выходу, он повернул навстречу.

Север делал то, что умел лучше всего: проверял, кто действительно вышел в море, а кто ещё мыслями остался у тёплой батареи.

На ходовом мостике было холодно. Не морозно, но так, чтобы человек вспоминал о воротнике и о том, что северный ветер прощает только тем, кто не строит из себя героя. Вахтенный офицер капитан-лейтенант Мамаев держался у поста чуть ссутулившись, будто это помогало бороться с сыростью. Не помогало, но выглядело честно.

Рулевой стоял у поста сосредоточенно, с тем особенным выражением лица, которое бывает у человека, доверившего курс корабля не судьбе, а самому себе. Сигнальщик у борта смотрел вперёд в бинокль, то и дело протирая стёкла рукавицей: морось ложилась быстро, как будто море не любило, когда за ним наблюдают слишком внимательно.

Командир корабля капитан 1-го ранга Ковалёв стоял чуть в стороне и не мешал вахте. Он любил именно этот момент — не романтически, нет. Просто пока корабль у пирса, вокруг слишком много лишнего: бумаги, машины снабжения, чужие команды, телефонные звонки, переносы времени выхода. За створом оставались только корабль, море, приказ и люди.

Старпом Селиванов держался рядом. Он ничего не записывал, но помнил всё.

Корабль прошёл боновые ограждения. Буксир отвалил коротким гудком. На палубе убрали концы. За кормой закрутилась мутная вода.

— Буксир отошёл, — доложили с поста.

— Принято, — ответил вахтенный офицер.

Ковалёв посмотрел на серую воду впереди. Видимость пока держалась, но морось уже висела низко, как занавес, который кто-то медленно тянул с моря.

— Виктор Михайлович, — негромко сказал он.

— Я.

— Запросите штаб флота. По установленному каналу. Проводились ли сегодня в нашем секторе гидроакустические работы, постановка мишеней, испытания средств связи, всё, что могло дать ложный сигнал или наводку.

Селиванов чуть повернул голову.

— Думаете, это не связь?

— Я думаю, что сначала надо убрать простое. Потом неприятное. И только потом невозможное.

— Если ответят, что ничего не проводилось?

— Тогда подпишу вам заявку на внеплановый осмотр антенной группы, кабельных трасс и питания.

— Хомич будет счастлив.

— Хомич родился недовольным. Это его штатный режим.

Старпом усмехнулся и ушёл с мостика.

Ковалёв остался у стекла. За ним двигалась серая вода, и где-то внизу, глубоко в корпусе, ровно и уверенно работала энергетика.

Командир не верил в знаки. Он верил в причины. Но утренний сигнал не нравился ему именно потому, что пока не имел причины.

А беспричинные вещи на корабле долго не живут. Они либо объясняются, либо становятся аварией.

В штурманской рубке было теплее, но спокойнее от этого не становилось.

Капитан-лейтенант Рубцов работал у карты. Электронная прокладка шла штатно, спутниковое место сходилось с расчётным, лаг давал нормальные данные. Всё выглядело хорошо — слишком хорошо для выхода в северную погоду.

Ермаков стоял рядом и вёл ручное счисление. Карандаш в его руке оставлял тонкую, почти слишком аккуратную линию курса. По крайней мере, Ермаков надеялся, что со стороны она выглядит уверенной.

Рубцов бросил взгляд на карту.

— Не дави так. Карта тебе ничего плохого не сделала.

Ермаков ослабил нажим.

— Есть.

— Карандаш должен идти, а не копать. Мы не нефть ищем.

Ермаков поправил линейку. Корабль прошёл очередную точку, и он аккуратно отметил время.

На столе тихо тикали часы. За переборкой гудела вентиляция. В узком помещении пахло кофе, бумагой и тем напряжением, которое не объявляют по трансляции, но чувствуют все.

Рубцов сверился с гирокомпасом, потом бросил взгляд на магнитный.

Стрелка слегка дрогнула.

Он нахмурился.

— Видел?

— Что именно?

— Магнитный гуляет.

Ермаков посмотрел. Стрелка снова стояла спокойно.

— Может, вибрация?

— На корабле всё можно назвать вибрацией. До первого доклада командиру.

Рубцов сделал пометку в рабочем блокноте. Не тревожную, не жирную — так, для себя. Штурманы вообще были людьми, которые умели волноваться карандашом.

Ермаков продолжил прокладку. В этот момент корабль слегка качнуло на встречной зыби. Карандаш соскользнул с линейки и провёл жирную косую черту через часть карты.

Прямо через район, отмеченный как закрытый.

Лейтенант замер.

Рубцов посмотрел на линию. Потом на Ермакова.

— Поздравляю. Только что ты вторгся в запретный район силами одного карандаша.

— Виноват.

— Пока только графически.

Рубцов взял красный навигационный карандаш, аккуратно перечеркнул закрытый квадрат косым крестом и подписал:

ЗАПРЕТНЫЙ. ПРИКАЗ КП СФ.

Почерк у него был мелкий и злой.

Ермаков помолчал, потом спросил:

— Илья Андреевич, а что там случилось в восьмидесятых?

Рубцов не сразу ответил. Он убрал линейку, сверил курс, посмотрел на электронную прокладку.

— Ничего.

— То есть?

— Просто перестали отвечать.

Ермаков поднял глаза.

Рубцов пожал плечами.

— Как половина страны тогда.

Сказал он это сухо, без шутки. И от этого фраза прозвучала тяжелее.

Ермаков вспомнил отца. Тот редко говорил о море страшное. Рыбаки вообще не любили рассказывать о настоящем страхе — только о смешном, о глупом, о том, как кок пересолил суп в шесть баллов или как стармех ругался с дизелем, будто с тещей. Но однажды, уже перед училищем, отец сказал:

«Самое плохое в море — не шторм. Самое плохое — когда зовёшь, а тебе не отвечают».

Тогда Ермаков не понял.

Теперь понял чуть больше.

— Магнитный снова ушёл, — сказал Рубцов.

Ермаков посмотрел на компас. Стрелка медленно вернулась на место, будто передумала.

Рубцов записал время.

— Докладывать будем?

— Пока наблюдаем. Один раз — особенность. Два раза — тенденция. Три раза — старпом спросит, почему не доложили после первого.

— Логично.

— На флоте логика простая: если неприятность можно записать — запиши. Если нельзя — всё равно запиши, но аккуратнее.

В БИП свет экранов делал лица людей бледными.

Боевой информационный пост жил своей отдельной жизнью. Здесь не было моря в открытую, не было ветра и мороси, но всё море собиралось сюда — отметками, цифрами, пленгами, дистанциями, докладами, курсами целей. На экране даже хаос выглядел дисциплинированным.

Оператор радиолокационной станции старшина Нечаев сидел чуть подавшись вперёд. Он был человеком молчаливым и не любил, когда над его плечом дышат. Отметки он видел лучше, чем лица знакомых на берегу.

Сначала всё было чисто.

Потом на правой стороне экрана появилась точка.

Нечаев моргнул. Точка осталась.

— Есть отметка, — сказал он.

Офицер БИП подошёл ближе.

— Пеленг?

— Курсовой угол правого борта около тридцати. Дистанция четыре кабельтова. Скорость малая... около пяти узлов. Курс пересекающийся.

Офицер БИП взял трубку связи с мостиком.

— Мостик, БИП. На курсовом угле правого борта тридцать градусов обнаружена надводная цель. Дистанция четыре кабельтова. Скорость порядка пяти узлов. Курс пересекающийся.

На мостике доклад приняли мгновенно.

Сигнальщик у правого борта поднял бинокль.

— Визуально цели не наблюдаю! Видимость падает, морось!

Ковалёв подошёл ближе к стеклу. Впереди висела серая завеса. Море исчезало слоями: сначала дальняя вода, потом створы, потом чёткая линия берега. Мир сужался до нескольких кабельтовых мокрого воздуха.

— Запрос по связи, — сказал командир. — БИП — вести цель. Вахтенному офицеру — оценить риск сближения.

Мамаев уже считал.

— Пеленг почти постоянный, дистанция сокращается. Риск сближения есть.

Ковалёв кивнул. В условиях ограниченной видимости спорить с отметкой на РЛС было глупо. МППСС не требовали верить в глаза, если приборы показывали опасность. Они требовали действовать заранее и понятно.

— Уменьшить ход до малого, — приказал он. — Право десять. Руль право десять. Курс изменить вправо.

Рулевой повторил чётко:

— Есть право десять. Руль право десять.

Корабль послушно начал отворачивать. Тяжёлый корпус лёг на новый курс без суеты, с достоинством большого железа.

— Ход малый, — доложили.

— Руль право десять выполнен, — повторил рулевой.

— Принято.

Сигнальщик снова смотрел в серую муть.

— Визуально чисто!

БИП докладывал почти сразу:

— Цель изменила курс синхронно. Дистанция сохраняется. Пеленг снова постоянный.

На мостике стало тише.

Мамаев облизнул губы.

— Товарищ командир, если это реальная цель, она повторяет наш манёвр.

Ковалёв посмотрел на экран дублирующего индикатора. Отметка была там. Не фантазия сигнальщика, не испуг молодого матроса, не байка с камбуза. Точка. Дистанция. Пеленг.

— БЧ-2, БЧ-3 — повышенная готовность, — приказал он. — Огонь не открывать. Цель держать. Манёвр продолжать.

Команды ушли вниз мгновенно.

На боевых постах артиллеристы и минно-торпедчики пришли в движение без паники, но с той самой собранностью, по которой опытный командир понимает: люди слышали не просто приказ, а опасность.

— Ещё вправо. Право пятнадцать. Ход оставить малый. Машинам быть готовыми к стопу.

— Есть право пятнадцать.

Корабль снова изменил курс.

Отметка на экране дёрнулась.

Секунду она держалась.

Потом исчезла.

Не растворилась в засветке. Не ушла за помеху. Просто пропала между двумя оборотами антенны, будто кто-то стёр её с экрана.

— Цель потеряна, — сказал Нечаев в БИП уже другим голосом.

— Повторить обзор, — приказал офицер БИП. — Проверить режимы.

На мостике Ковалёв молчал.

Сигнальщик докладывал:

— Визуально цели нет.

Вахтенный офицер посмотрел на командира.

— Курс?

— Лечь на безопасный. Ход малый. Продолжать наблюдение. Запрос по связи повторить.

Мамаев передал команду.

Ковалёв смотрел в туман.

Утренний голос говорил: «не выходите».

Теперь кто-то или что-то только что попыталось лечь им на пересечение курса.

И всё ещё не было ни одной причины, которую можно было бы положить на стол.

Орлова сидела в радиорубке над записью.

На экране перед ней шла спектрограмма утреннего сигнала — некрасивая, рваная, вся в шумах и провалах. Воронин стоял рядом тише обычного. У него был вид человека, которому очень хочется спросить, но уже объяснили, почему не стоит.

Орлова пропускала запись через фильтры шумоподавления. Один слой помех уходил, появлялся другой. Голос то проступал, то снова тонул в треске.

— Ещё раз участок после всплеска, — сказала она.

Воронин включил.

— ...страшный...

Орлова нахмурилась.

— Стоп. Верни на полсекунды.

Он вернул.

Она слушала не слово. Слово было уже не главным. Её интересовало другое — характер звука, его грязь, его модуляция, то, как он входил в канал.

Не похоже на обычный внешний радиосигнал.

Слишком плоский. Слишком внутренний. Будто голос прошёл не через эфир, а через корабельную трансляцию, а потом каким-то образом попал в радиоканал.

— Воронин, внутренняя трансляция в момент приёма?

— По журналу — отключена от этого контура. Проверочный режим не включался.

— Запроси у электриков данные по питанию на время второго сигнала.

Воронин уже держал лист.

— Есть предварительно. Была наводка на цепи питания гирокомпаса. Скачок напряжения на долю секунды. Совпадает с моментом приёма.

Орлова медленно повернулась к нему.

— Повтори.

— Скачок на цепи питания гирокомпаса. Очень короткий. Электрики говорят, могло быть от переключения нагрузки.

— Они всегда так говорят.

— Так точно.

Орлова посмотрела на спектрограмму.

Связь переставала быть только связью. Если сигнал цеплял питание гирокомпаса, это уже касалось штурманов. Если одновременно в БИП появилась цель, это касалось боевого поста. Если у Хомича стучало железо — касалось БЧ-5.

Она не любила широких выводов. Широкие выводы плохо помещались в рапорт. Но картина собиралась сама, и это было неприятно.

— Подготовь выписку по времени всех всплесков, — сказала она. — Секунда в секунду. Радиосигнал, питание, доклады БИП, всё, что есть.

— Есть.

— И Воронин.

— Я.

— Не думай вслух.

— Есть не думать вслух.

Он замолчал, но Орлова видела: думает.

Она сама думала тоже.

Только без свидетелей.

Хомич нашёл тот участок магистрали лично.

Не потому, что некому было послать старшину. Было кому. Но командир БЧ-5 не любил чужих ушей там, где стучало не по схеме.

Они стояли в узком проходе у переборки. Рядом — старшина машинной команды с молотком и переносной лампой. Свет ложился на трубы жёлтыми пятнами. Металл был холодный, покрытый старой краской, царапинами и следами многих ремонтов.

— Здесь? — спросил Хомич.

— Здесь слышали.

Старшина простучал магистраль. Звук пошёл глухой, обычный, мёртвый.

— Нормально, — сказал он.

— Нормально — это когда я дома чай пью, — буркнул Хомич. — А это пока непонятно.

Он снял перчатку и прислонил ладонь к трубе.

Холодная.

Затем ухо.

Вентиляция гудела. Где-то дальше работал насос. По корпусу шла едва заметная вибрация.

И вдруг:

Три коротких.

Пауза.

Два коротких.

Старшина застыл.

Следом пришло тонкое шипение. Не громкое. Не аварийное. Скорее похожее на выдох — будто кто-то на секунду приоткрыл клапан и тут же закрыл.

Хомич резко посмотрел на манометр.

Стрелка стояла неподвижно.

В этой линии давления не было уже несколько часов.

— Видел? — спросил старшина.

— Манометр? Видел.

— Я не про манометр.

Хомич выпрямился. Несколько секунд он молчал. Потом надел перчатку.

— Запиши в журнал осмотра: посторонних звуков не выявлено, вибрация в пределах нормы.

Старшина медленно повернул к нему голову.

— Товарищ капитан третьего ранга...

— Что?

— Мы же слышали.

— Мы слышали то, что не можем объяснить. А в журнал пишут то, что можно подтвердить, измерить и предъявить. Понял?

Старшина кивнул, но не сразу.

Хомич взял молоток, сам ещё раз ударил по трубе. Металл ответил обычным глухим звоном.

— Проверить крепления, хомуты, соседние линии, кабельные трассы. Манометр заменить на контрольный. И без художеств.

— Есть.

Хомич задержался у трубы после того, как старшина отошёл.

Он вспомнил старого мичмана с первого своего корабля. Тот говорил: «Железо врёт редко. Люди чаще». Хомич тогда смеялся. Теперь уже давно не смеялся над мичманами, особенно старыми. Они слишком много слышали в корпусах кораблей.

Труба молчала.

Хомич тихо сказал ей:

— Только попробуй мне тут характер показать.

И пошёл проверять манометр.

Корабль вышел за пределы Кольского залива.

Берега разошлись, открылась тяжёлая зыбь Баренцева моря. Эсминец поднялся на первой длинной волне, перевалил через неё и пошёл дальше, уже иначе — не по заливу, а по настоящей воде. Ветер стал резче, морось плотнее. На стёклах мостика собирались мелкие капли.

Старпом вернулся с бланком радиограммы.

— Ответ штаба, — сказал он.

Ковалёв взял лист.

Формулировка была короткая и неприятно ясная: в секторе движения корабля гидроакустические учения, пуски мишеней, испытания средств связи и работы с беспилотными целями не проводились. Район по данным штаба чист. Посторонних судов по заявленной обстановке нет.

Ковалёв прочитал дважды.

— Учений нет, — сказал Селиванов. — Запусков нет. Район чист.

— Значит, техника, — спокойно произнёс командир. — Или погода.

Старпом посмотрел на него.

— А если опять не подойдёт?

— Тогда будем искать дальше.

В этот момент основной дисплей радиолокационной обстановки на мостике погас.

Не моргнул — именно погас.

На одну секунду мостик увидел собственное отражение в чёрном стекле: лица, свет приборов, неподвижного рулевого, руку вахтенного офицера у журнала.

Потом экран ожил.

И чистый сектор воды прямо по курсу больше не был пустым.

На расстоянии двух кабельтовых висела крупная отметка.

Слишком близко.

Слишком внезапно.

— БИП, мостик! — резко сказал Мамаев. — Подтвердить цель прямо по курсу!

Ответ пришёл почти сразу, но голос оператора уже был не прежним:

— Мостик, БИП. Цель прямо по курсу. Дистанция две кабельтовых. Крупная надводная.

Появилась между обзорами. Данных сопровождения нет.

— Визуально? — спросил Ковалёв.

Сигнальщик поднял бинокль, но тут же опустил.

— В тумане силуэт... прямо по курсу! Крупный корабль!

Ковалёв шагнул к стеклу.

Туман впереди темнел.

Сначала это была просто тень. Потом из серой мороси проступила носовая часть, надстройка, мачта, труба. Чёрный силуэт шёл им навстречу или стоял без хода — в тумане расстояние обманывало.

Но форма была узнаваема слишком хорошо.

Узнаваема до холода в груди.

Эскадренный миноносец.

Проект 956.

Такой же силуэт. Такие же линии. Та же тяжёлая, хищная посадка корпуса на волне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.